

15 ДЕК 1954

Советский Сахалин
Южно-Сахалинск

И. ЭРЕНБУРГ

САХАЛИНСКАЯ
СТРАНИЦАК 100-летию СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ А. П. ЧЕХОВА

В конце 1889 года Чехов решил совершить чрезвычайно трудное в те времена путешествие на Сахалин. Некоторые друзья его отговаривали. Антон Павлович в письмах не мог (или не хотел) объяснить, чем вызвано его решение; он отшучивался, говорил, что хочет преодолеть свою лень, иногда напоминал, что он — врач и в долгу перед медициной.

Чехов побывал на Сахалине, вернулся, а критики продолжали строить догадки: одни уверяли, что писатель, слышавший среди либеральной интеллигенции «беспринципным», устыдился и решил пойти по правильному пути, другие язвительно утверждали, что автор веселых рассказов «ищет нездоровой популярности».

Со времени поездки Чехова на Сахалин прошло семьдесят лет, и вот до сих пор литературоведы по-разному толкуют мотивы, побудившие Антона Павловича отправиться на остров каторги. Некоторые считают, что это путешествие было связано с кризисом в литературной работе: незадолго до поездки Чехов писал друзьям, что он недоволен своими рассказами и повестями. Другие, называя поездку на Сахалин подвигом, говорят, что Антон Павлович терзался от ощущения своей общественной бездельности.

Мне кажется, что поездка на Сахалин не расходится с жизнью Антона Павловича, она входит в его биографию, в его творчество. Может быть, и «Остров Сахалин», и то, чего Чехов не написал о своей поездке, лучше многого другого объясняют нам как душевную природу Антона Павловича, так и его отношение к искусству.

Слово «гуманист», как и многие другие слова, подверглось инфляции: его так часто произносили, что оно потеряло свою ценность. Действительно, если всю русскую литературу XIX века в любой статье определяют как гуманистическую, то вряд ли читателя удивит, что я назову Чехова писателем-гуманистом. Между тем это определение куда более подходит к нему, чем ко многим великим писателям прошлого столетия. Для Антона Павловича литература была прежде всего защитой человека и защитой в человеке человеческого. В 1898 году, споря с Суворинным по поводу дела Дрейфуса, он говорил: «...Дело писателя не обвинять, не преследовать, а вступаться даже за виноватых, раз они уже осуждены и несут наказание... Обвинителей, прокуроров, жандармов и без них много, и во всяком случае роль Павла им больше к лицу, чем Савла». Именно такое понимание роли писателя продиктовало Чехову поездку на Сахалин.

Конечно, Чехов менялся, духовно рос; но мне кажутся искусственными попытки некоторых биографов разделить облик писателя на различные периоды — до и после письма Григоровича (1886 год); до и после поездки на Сахалин. Одна из самых потрясающих повестей Чехова «Скучная история» написана до сахалинской поездки, в 1889 году. Одно это опровергает рассуждения о том, что 1889 год был годом кризиса, сомнений, неудач. Правда, в 1889 году Чехов говорил о себе: «...ни одной строчки, которая в моих глазах имела бы серьезное литературное значение». Но такие же признания можно найти в письмах Чехова и до 1889 года, и после поездки на Сахалин: они говорят о скромности Антона Павловича, о его постоянной неудовлетворенности собой. Что касается «перелома» в творчестве Чехова, связанного с поездкой на Сахалин, то и он мне представляется условным.

«Рассказ неизвестного человека» Антон Павлович начал писать до поездки на Сахалин — в 1887 г. — и не дописал, бросил; он вернулся к нему в 1891 году. «Рассказ неизвестного человека» как бы продлевает «Скучную историю».

Иные критики уверяли, что Сахалин раскрыл глаза Чехову на несправедливость общественного строя, на пороки царской России. Конечно, Чехов увидел на Сахалине многое из того, что он знал только по книгам или о чем догадывался; но «перелома» здесь не было. Обычно, обличая, Антон Павлович снисходителен (даже к «Человеку в футляре»). Пожалуй, из всех его рассказов, показывающих социальные против-

речия, наибольшей резкостью отличаются «Враги» и «Княгиня», оба они написаны до Сахалина — первый в 1886 году, второй — в 1888 году.

Рассказывая Суворину о своем намерении поехать на Сахалин, Антон Павлович говорил: «Из книг, которые я прочел и читаю, видно, что мы сгноили в тюрьмах миллионы людей, сгноили зря, без рассуждения, варварски; мы гоняли людей по холоду в кандалах десятки тысяч верст, заражали сифилисом, развращали, размножали преступников, и все это сваливали на тюремных красноносых смотрителей. Теперь вся образованная Европа знает, что виноваты не смотрители, а все мы, но нам до этого дела нет, это неинтересно». Совершенно ясно, что не зрелище каторги разбудило совесть Антона Павловича, а что взыскательная совесть привела его на Сахалин.

Над книгой о Сахалине Чехов работал долго — с начала 1891 года по середину 1893; одновременно он написал много значительных произведений: «Дуэль», «Бабы», «Гусев», «Палата № 6», «Рассказ неизвестного человека» и другие. Антон Павлович говорил, что работа над книгой о Сахалине была для него трудной.

Больше всего Чехов боялся фальши, аффектации, проповеди. Его книга «Остров Сахалин» скорее труд медика, нежели очерки художника. Он выбросил из нее все, что казалось ему театральным, исключительным. Он встретил некоторых каторжников, героев громких судебных процессов из верхов петербургского общества, судьба которых интересовала современников, но ничего про них не написал. Он рассказал просто, порой сухо, с цифрами, о том, что увидел, о бесчеловечности тюремщиков, о наказании плетью, о трагической судьбе детей каторжников, о медленной смерти ссыльных. В книге есть глава «Рассказ Егора», которая могла бы стать новеллой, но и здесь Чехов сознательно ограничивал себя, боялся художественным раскрытием героя поставить под сомнение документальный характер «Острова Сахалина».

Когда говорят о художественных произведениях Чехова и о значении для него поездки на Сахалин, обычно припоминают страшную ночь в Дуэ, горькие мысли каторжника Якова Ивановича, который глядит на «бледные огни парохода» и «видит темноту, дикость, бессердечие и тупое, суровое, скотское равнодушие людей» («Убийство»); вспоминают чудесный рассказ «В ссылке», милого и доброго каторжника-татарина, похожего на мальчика, его горячие слова: «Бог создал человека, чтоб живой был, чтоб и радость была, и тоска была, и горе было, а ты хочешь ничего, значит, ты не живой, а камень, глина!». Да, но это двенадцать страниц из двенадцати томов... Неужели этим ограничивается роль Сахалина в творчестве Чехова?

Антон Павлович многое увидел на острове каторги. Книга «Остров Сахалин» сыграла ту роль, которую ей предназначал автор: свидетельство врача, журналиста, гражданина; она произвела огромное впечатление на просвещенные круги России. Царское правительство вынуждено было направить на Сахалин несколько специалистов, пошло на некоторые изменения в положении каторжан и ссыльных. Никто не скажет, что «Остров Сахалин» написан «лучше» или «ярче», чем художественные произведения Чехова, и если названная книга привела к хотя бы небольшим, но реальным переменам в жизни тысяч людей, тогда как никто не может определить конкретных, зримых перемен в русском обществе конца XIX века благодаря «Скучной истории» или «Палате № 6» и повести «В овраге», то это объясняется разностью воздействия публицистики и искусства.

Публицистика посвящена действиям людей, социальным порядкам, явлениям общественной жизни, она указывает на недостатки, которые могут быть исправлены. Искусство раскрывает внутренний мир людей; его воздействие куда глубже, но четкому учету это воздействие не поддается, ибо искусство меняет не порядки, а людей, устанавливающих порядки.

О том, что Чехов увидел на Сахалине, мы можем судить по его документальной книге; о том, что он пережил во время своего путешествия, мы можем только догадываться.

Один из друзей Антона Павловича, литератор Щеглов, рассказы-

вал, что характер Чехова после поездки изменился, стал мягче, серьезней.

Щепкина-Куперник вспоминала, что Антон Павлович часто видел во сне страшные картины каторги, наказание плетью, и в ужасе просыпался. Понятно, что Сахалин вошел в мир Чехова, и человека, не задумавшегося над подходом Антона Павловича к искусству, может поразить, почему писатель не оставил нам ряда повестей и рассказов, основанных на том, что он увидел во время своей поездки.

Есть немало писателей, которые ездят, как они говорят, «за материалом»; появился даже неологизм «творческая командировка». Я не собираюсь осуждать тот или иной подход писателя к литературной работе: читатель судит не по методу, а по результатам. Я хочу только пояснить, что понятие «творческой командировки» или «творческих путешествий» не входило в душевный мир Чехова-художника. Он написал о Сахалине книгу, лишенную элементов беллетристики: каторгу увидел честный врач и человек, обладающий обостренной совестью.

Для того, чтобы еще яснее подчеркнуть отношение Антона Павловича к его писательской работе, я сравню его не с одним из анонимных обладателей творческих командировок, а с большим французским писателем, современником Чехова, Эмилем Золя.

Антон Павлович, восхищаясь общественной деятельностью Золя во время процесса Дрейфуса, не любил его как писателя, хотя и признавал его талант. Золя бесспорно оказал большое влияние на развитие социального современного романа. Если говорить о содержании предпринятой и осуществленной им серии романов, то прежде всего следует признать, что он первый показал в художественной литературе рабочих и борьбу пролетариата. Он читал с увлечением Карла Маркса, беседовал с вождем французской рабочей партии Гедом. Если коснуться формы его романов, то Золя был подлинным новатором: он переносил действие из одного места в другое, сменял массовые сцены крупными планами, предвосхищая монтаж кино. Для своей работы он прибегал к иным методам, нежели Чехов. Золя решал, что напишет роман на такую-то тему, казавшуюся ему важной, и тотчас приступал к сбору документации.

Решив написать роман о велико-светской проститутке Нана, Золя (человек, в своей частной жизни отличавшийся почти пуританским целомудрием) посещал притоны, публичные дома и, вызывая на смех присутствовавших, записывал в книжечку детали незна-мого ему быта.

В феврале 1884 года Золя приступает к работе над «Жерминалем». Он направляется на север Франции, в угольный район, наблюдает забастовку горняков в Денен, спускается в шахты; материал собран, и он садится писать.

Можно ли отрицать, что для Золя именно такой подход к роману был логичен? Но Чехов не довольствовался беглыми наблюдениями, он писал только о том, что знал в совершенстве; его интересовали не внешние явления, не подслушанные меткие словечки, а внутренний мир героев — он описывал незримое другим. Книга «Остров Сахалин» относится к общественной деятельности Чехова, ее можно сопоставить с защитой Эмилем Золя невинного Дрейфуса. Но если бы Золя отправился в Кайену, в этот французский Сахалин, он наверно написал бы еще один роман. Мир Золя шире мира Чехова и заселен более разнообразными людьми, мир этот шире, но показан поверхностью; и никого не удивит, если я скажу, что даже во Франции влияние Чехова теперь глубже, нежели влияние Золя.

Воздействие жизни, пережитого автором, на творчество трудно проследить; и может показаться парадоксальным мое предположение, что Сахалин отразился на многих художественных произведениях Чехова, где место действия — центральная Россия, Москва, усадьбы, села, кавказское побережье и герои которых не прикованы к тачкам и не волочат кандалов.

Вскоре после возвращения с Сахалина Чехов написал повесть «Дуэль». Это история столкновения между умным, но бесчеловечным зоологом фон Кореном и расхлябанным, малодушным Лаевским. Фон Корен любит прогресс и, разумеется, никак не похож на тюремных смотрителей Сахалина, в нем скорее можно увидеть представителя будущих комментаторов Освенцима или Равенсбрюка. Лаевский говорит о фон Корене:

«Он хлопочет об улучшении человеческой породы, и в этом отношении мы для него только рыбы, мясо для пушек, вьючные животные; одних бы он уничтожил или законопатил на каторгу, других скрутил бы дисциплиной, заставил бы, как Аракчеев, вставать и ложиться по барабану, поставил бы евнухов, чтобы стеречь наше целомудрие и нравственность, велел бы стрелять во всякого, кто выходит за круг нашей узкой, консервативной морали, и все это во имя улучшения человеческой породы».

Чехов считал, что автор никогда не должен показываться на сцену, протестовал, когда ему приписывали мысли и слова героев; все же чувствуется, что Антон Павлович подсказал Лаевскому столь суровую оценку фон Корена, и было это от беспокойства за судьбу человека, от ощущения всей важности внутренней душевной свободы. Может быть, после Сахалина Чехову стало особенно ясно, что такое лицемерная или же вполне искренняя попытка улучшить человеческую природу, прибегая при этом к бесчеловечным поступкам? Может быть, пережитое Чеховым на Сахалине помогло ему вскоре после зрелища каторги написать «Палату № 6»? Когда я читаю, как больничный сторож Никита бьет доктора Рагина, которого он еще недавно именовал «высокоблагородием» и который для него теперь рядовой сумасшедший, я всякий раз думаю о поездке Чехова на Сахалин.

Рассказы, повести, пьесы Чехова живы, хотя давно исчез описанный им быт — живы люди, с их радостями и терзаниями, с их тоской и надеждой. Тем и велико искусство, что чувства — не моды, и что оно куда долговечнее сменяющихся форм общества.

А книга «Остров Сахалин» представляет теперь интерес исторический. Вероятно, Антон Павлович очень удивился бы, если бы ему сказали, что через семьдесят лет после его путешествия, на Сахалине будут жить такие же люди, как в Москве, в Сумах, или в Таганроге, что на острове будет издательство, которое выпустит сборник, посвященный Чехову.

Книга о Сахалине устарела, но сахалинская рана в сердце Чехова жива. Есть много мест, о которых с благоговением думают советские читатели: и дом в Таганроге, где вырос Чехов, и памятная доска на воротах в Воскресенске (Истре), где был дом, сожженный фашистами, и зеленое Мелихово, и домик в Ялте, с деревьями, посаженными Антоном Павловичем. Есть и Сахалин... Все там изменилось, но связан для нас этот остров с большими душевными муками, с возмущенной совестью Чехова, дорог нам этот далекий край не только своей новой большой жизнью, но и той школой человеческого горя, которую прошел близкий нам, дорогой нам писатель.

Статья И. Эренбурга печатается с некоторыми сокращениями. Полностью она опубликована в сборнике «Антон Павлович Чехов», выпущенном Сахалинским книжным издательством.